

И. В. Горина

Метафизика творчества жизни в философии князя В. Ф. Одоевского

В статье анализируются философские идеи В.Ф. Одоевского, связанные с изучением его основных понятий — «нравственный инстинкт» и «творчество жизни». Философский метод В.Ф. Одоевского восходит к философии Платона, сочетающей в себе художественные образы и интеллектуальные выводы. Этот исследовательский опыт близок к эстетике мышления и интуитивному мировоззрению. Позиция включенного наблюдателя позволяет интуитивисту Одоевскому предвидеть современный кризис науки и цивилизации.

Ключевые слова: нравственный инстинкт; творчество жизни; антиномии сознания; синтез науки и искусства; эстетика самости.

Генезис становления отечественной школы мысли в пограничье западной философии и русской литературы чрезвычайно интересен через рассмотрение творческого наследия и идей русского писателя, мыслителя и общественного деятеля XIX в. князя Владимира Федоровича Одоевского (1803–1869). Он принадлежал поколению молодой русской интеллигенции, что вошла в общество «любомудров», объединившее блестящих интеллектуалов своего времени — Д. В. Веневитинова, Ф. И. Тютчева, А. С. Хомякова и др. «Архивны юноши», по меткому выражению А. С. Пушкина, системно изучали современные их времени идеи западноевропейских мыслителей И. Канта, И. Фихте, Ф. Шеллинга, античных классиков Платона, Аристотеля, впервые переводили классику византийского богословия на русский язык. Целью «любомудров» была не компиляция и распространение философских идей знаменитых предшественников, а, наоборот, их творческая переработка и становление системы взглядов, необходимые для развития собственной модели мышления.

В этом процессе интеллектуальной работы молодых аристократов 20–30-х гг. XIX в. проявляется оригинальная черта русской школы мысли, которая

восходит к методу философствования Платона. Античный мыслитель вводил в свои диалоги смысловые образы, мифологические сюжеты, раскрывающие определенные закономерности Космоса, взаимоотношений, состояний мира и человека. Образный язык философии Платона оказался близок к отечественной школе Любомудрия, и его метод изложения мировоззрения в формате художественного произведения лег в основу творческих опытов русской интеллектуальной элиты, ярким представителем которой и был Владимир Одоевский — председатель русского общества «Любомудров».

У Одоевского работа с языком и его смысловым, логосным содержанием соединяла литературное творчество с философскими суждениями. Художественное произведение становилось площадкой апробирования философских идей и мировоззрения автора, в результате чего появлялась особая органика текста, которая включала в себя принципы космической организации: сложность, целостность, динамическую упорядоченность.

Первый отечественный философский роман «Русские ночи» показывает незаурядный талант Одоевского в создании особого символического языка, с одной стороны, соединяющего емкие образы и метафоры сюжетов со взглядами романтизма как господствующего стиля эпохи, а с другой — выявляющего основные мировоззренческие темы и концепты будущей отечественной школы мысли. По сути, «Одоевский воплощает социальную или философскую мысль в художественных картинах, а поэтические образы его становятся идеологическими символами» [4, URL, От редакции]. Будучи убежденным романтиком, мыслитель отводил главную роль в преображении мира идеям и художественным образам. Повести, входящие в сборник «Русские ночи», насыщены интеллектуальными размышлениями о природе познания и носят характер гносеологического исследования природы творчества человека в синтезе науки и искусства.

Сквозной линией, пронизывающей все произведение, является исследование скрытых движущих сил, которые влияют на развитие познавательных и творческих способностей человека, раскрывающих скрытую жизнь его души. В рассказах «Бригадир», «Насмешка мертвеца», «Бал» Одоевский ставит своих героев на грань познания смерти, перед которой все усилия прожитой жизни оказываются ничтожны. Рисуя картины внешнего успеха, Одоевский выводит актуальную для русской литературы XIX в. тему омертвения человеческой души и забвения жизни в духе [4, URL].

В произведениях Одоевского «Новый год», «Импровизатор» вскрыт процесс умерщвления человеческих сил, индивидуального своеобразия, из-за отсутствия которых исчезает внутренний магнетизм притяжения, исчезает напряжение в столкновении с явлениями окружающего мира, а сопряжение противоречий не ведет к творческому синтезу, дающему новую форму жизни или новый горизонт развития [4, URL]. Эта проблема, заявленная Одоевским, впоследствии разворачивается в повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича». Драма главного героя заключается в том, что, живя правильной удобной жизнью, приятной

для общества и себя, он остается пустым и бессодержательным перед лицом неизбежной необходимости — собственной смерти.

В другом своем трактате — «Психологические заметки» [3] — центральной фигурой исследования Одоевский делает духоиспытателя, который, преодолевая общественную пользу своего университетского системного многознания, выходит на метафизический уровень самопознания. Духоиспытателем может быть ученый, художник, поэт, смотрящий на мир с позиции включенного наблюдателя, при которой критерием определения смысла действительности и происходящих событий является не рассудочная мораль, а понимание сложности сходящихся противоречий.

Духоиспытатель исследует антиномии человеческого существования. В своих «Психологических заметках» В. Ф. Одоевский видит главную задачу духоиспытателя, имеющего необходимую способность всматриваться в противоречия, в области которых «заключается прозрение в такую глубину, которой не достигает правильный, по-видимому, опыт» [3, с. 205]. Данные противоречия, которые так интересуют Одоевского, как раз скрывают гармоническое единство мира и внутреннюю органическую взаимосвязь всех его явлений.

В этом аспекте Одоевский восходит к натурфилософии Шеллинга, который полагал, что в природе изначально заложен принцип единства. Благодаря этому изначальному единству природа являет бесконечно разветвляющийся организм, находящийся в постоянной динамике. Эту динамику производит противоположность сил органической жизни. В этой внешней противоположности действуют единые процессы притяжения, напряжения и тяготения, которые обеспечивают взаимодействие на всех уровнях природы. Сущность жизни заключена в данных процессах синтеза полярностей. У Шеллинга двойственность и полярность являются универсальными принципами природы, всякого развития и изначального синтеза на всех уровнях жизни природы, общества и всех феноменов культуры [5, URL]. Василий Васильевич Зеньковский в своем труде «История русской философии» признавал особое влияние идей немецкого философа на общество «русских любомудров» первой половины XIX в. [1, URL].

Идея изначального единства всех наук о природе и гуманитарного знания — философии, науки, искусства — была чрезвычайно близка мировоззрению русских мыслителей. Развивая ее, Одоевский смог впервые обосновать будущую основополагающую для русской философии идею положительно-го всеединства, последовательно выраженную в философии В. Соловьева. Но если у В. Соловьева основой всеединства является абсолютная космическая сила София, пронизывающая все мироздание, и духовный потенциал человечества в том числе, то у Одоевского — это индивидуальная способность человека, его волевое усилие по раскрытию и развитию в себе космического чувства, погружения в единение со всем миром. Здесь Одоевский заложил философскую традицию интуитивизма, характерную для русской философии и особенно развитую в трудах Н. О. Лосского.

Изучая эволюцию природы и человека, генезис идей современного ему естествознания, теории социального развития, Одоевский обращает внимание на явные противоречия между социально-технологическим развитием буржуазной Европы и духовно-нравственным состоянием человека. Он признает, что научно-технологический прогресс не ведет к совершенствованию социума: человек остается средством существования для другого человека, для хищнической модели производства и государственной машины управления. Мыслитель обнаруживает тупиковость рассудочно-прагматического подхода к действительности, при котором проповедуется утилитарное отношение к человеку как ресурсу для производственной деятельности. Эти непримиримые противоречия между природой и техникой, между человеком и социальными машинами управления и производства, по мнению мыслителя, не имеют изначального источника, но ведут европейский мир к неминуемому системному кризису и возможным революционным осложнениям.

В повестях «Последнее самоубийство» и «Город без имени», входящих в роман «Русские ночи», Одоевский рисует безрадостную картину общества, в котором ориентация на материальное благополучие, комфорт, практическую пользу ведет к забвению метафизического плана бытия и свободного творчества жизни, проявленных в развитии поэзии, искусства, идеалистической философии, не имеющих прямой общественной пользы. Результатом такого существования становится оскудение эмоций, потеря индивидуальности, процветание социальной жестокости на основе использования человека человеком как средства достижения целей, а в конечном счете социальное вырождение [4, URL].

Пессимистический прогноз мыслителя не развивает идей социальной философии марксизма, нет, его скепсис базируется на внимательном анализе становления отдельной личности, актуальном как для капиталистического индивидуализма, так и для общества социального равенства. Интуитивно отвергая искушение идеологических позиций, заточенных на политические цели, Одоевский прозорливо указывает на гибель любого государства, в котором личность не имеет свободы творчества своей жизни.

Совершенствование общества Одоевский видит через внимание к внутреннему, духовному потенциалу развития человека. Он утверждает, что «есть в человеке нечто такое, что не подходит ни под одно из школьных подразделений души, что не есть ни совесть, ни сердце, ни страсть, ни рассудок и что мы назовем условно, не зная лучшего выражения, нравственным инстинктом» [3, с. 204].

Нравственный инстинкт — это врожденное качество человека, которое подлежит развитию через индивидуальное самопознание, систему образования, производства и управления: «В сем нравственном инстинкте, кажется, лежит основание всех наших знаний и чувствований; он отнюдь не одинаков у всех людей; всякий имеет его в разной степени; ближайшие степени понимают друг друга, отдаленные не понимают; мы нашими знаниями и действиями должны бы развить это чувство, но мы не замечаем его в чаду внешних предметов; мы следуем указаниям страстей, расчетов, систем» [Там же].

Внешние рассудочные системы расчета, так называемая нравственная бухгалтерия, убивают в человеке органику непосредственного (при отсутствии посредников) восприятия объектов и явлений мира, его самостоятельность мышления. Человек, познавая окружающий мир через законодательно утвержденные модели знаний, оказывается их заложником, знающим многое, но не обнаруживающим главного — самого себя. Мыслитель вопрошает: «Какого добра ожидать от нашей нравственности, когда с младенчества в сказках, баснях, прописях учат нас во всем держаться середины, рассчитывая каждый свой шаг, не доверять никому, кроме своего рассудка, удаляться от всего, что не принято всеми, не предпринимать ничего без положительной, так называемой полезной цели» [3, с. 207]. В итоге человек не определяет себя в бытии, а ориентируясь на правильность отношений и поступков, оказывается неспособным осознать себя.

Фактически В. Ф. Одоевский вскрывает сложную антиномию существования человека между рассудочной жизнью по законам морали и бессознательным инстинктом жизни, который он называет инстинктуальной силой, проявляющей уникальную природу личности. Поэтому нравственный инстинкт и его развитие позволяют человеку раскрыть себя как единицу бытия, раскрыть свои индивидуальные способности, силы души в целях познания природы духа и обретения свободы как открытой возможности творчества жизни. Человеку суждено «великое дело — понять свой инстинкт и чувствовать свой разум» [2, URL]. Внутри самого человека заключено органическое электричество, рождающееся из полярности инстинкта и разума, синтез которых дает особый свет личности, магнетизм и притяжение.

Известно, что Одоевский живо интересовался успехами современной ему науки, особенно открытиями в области изучения электричества и его практического использования. Полярно заряженные электрические разряды, порождающие явление света, запускают процессы жизни в природе. В этом аспекте электричество может рассматриваться как живой свет саморазвивающейся материи, творящий природные формы. Но в XIX в. природа света как источник жизни в материи технологически была преобразована и заключена в искусственные формы проводов, лампочек, розеток. Электричество стало новой утилитарной энергией для техники, искусственных образчиков форм природы.

Технология электричества не раскрыла природу света, а вытеснила ее. Природа органического света, его мистического происхождения оказалась утрачена. На смену ей приходит мистический магнетизм. Многие европейские интеллектуалы вводят в свои произведения сюжеты с использованием энергии света и электричества, высветляющего скрытые стороны сознания и психики человека. Эту линию творчества, на границе мистицизма и зарождающейся научной фантастики, можно проследить у Одоевского на примере его известной фантастической повести «Косморама».

Световые опыты в произведениях мыслителя дают представление о его своеобразной эстетике нравственного инстинкта. Природа нравственного

инстинкта оказывается ориентирована не на этические принципы и моральные правила отношений, как у Канта в определении нравственного императива, а, скорее, на субъективное восприятие мира и обретение своего образа, своего лица в нем. Нравственный инстинкт В. Ф. Одоевского произведен от внутренних электрических напряжений, настроений души и связан с искусством музыки. Он присущ органической природе человека как своего рода камертон звучания музыкального инструмента и настройки души и тела.

Мыслитель убежден, что развить его в человеке можно путем отвлечения от внешних предметов и углублением его в свою же природу духа. Данная углубленность носит характер раскрытия собственной сущности как звучащего музыкального инструмента. Безотносительно к чему-либо звучание, безусловное и непосредственное, присутствует в человеке, преодолевая противоречия внешнего плана бытия путем внутреннего синтеза своего нравственного инстинкта и разума: «Может быть, если бы люди, сбросив с себя оковы всех своих мнений, предались сему нравственному инстинкту, тогда бы они, как разные звуки, могли составить общую гармонию; может быть, оттого тщетно мы хотим построить наши Науки, Искусство, Общество, что не хотим знать этого естественного камертона» [3, с. 205]. Одоевский уверен, что «когда каждый индивидуум будет знать звук, который он должен издавать в общей гармонии, тогда только будет гармония» [3, с. 206].

Обращение к органической природе человека, его индивидуальному становлению было важным для мыслителя. Сравнение душевных сил человека с музыкой у него не случайно. Будучи прекрасным музыкантом и теоретиком музыки, Одоевский понимал суть динамической природы ритма, в которой сходящиеся звуки разной тональности организуют общую мелодию и гармонию целостного произведения.

Нравственный инстинкт открывает ритмическую, музыкальную органику человека, способствует развитию внутреннего гармонического звучания, которое способно преодолеть любые социальные противоречия, возвышая личность над ними. Музыка «есть истинное выражение внутреннего чувства нашего и ближайшее к нему, нежели очертание и слово» [3, с. 204]. Она универсальное искусство, объединяющая на чувственном уровне всех людей независимо от их происхождения и материального положения. Изучая генезис музыкального творчества, мыслитель указывает его особую связь с учением Христа. Он полагал, что именно христианство способствовало возвышению искусства музыки «на степень духовную и предпочтительно пред пластическими искусствами» [3, с. 204].

В христианстве музыка обретает пространство становления человеческого духа, молитвенные состояния души в музыкальных регистрах становятся своего рода возвращением духовного тела, обретением целостности мира через расширение сознания и преодоление телесной замкнутости. Одоевский ставит задачу «ум возвысить до инстинкта» [2]. Данное возвышение проходит не через рассудочный практицизм, а через умозрительное созерцание,

проникновение во внутреннюю суть вещей: «все открытия одолжены своим началом людям, привыкшим к умозрению; мысль, брошенная на землю великим мыслителем, поднималась ремесленником, который из нее обтачивал себе новое пособие» [3, с. 206].

Практический рассудочный опыт оказывается продуктивен в том случае, если связан не с утилитарной функцией использования, а со сверхзадачей умозрительного порядка, воплощающейся в форме. В этом эстетическом опыте включенного наблюдения и различения вещей вне их функциональной полезности заключен особый вид инстинктуальной силы. Философ утверждает: «Все умозрительные системы суть произведения инстинктуальной силы, или самопобуждения, все эмпирические — разума. Совершеннейшая система (о чем недавно догадались) должна быть соединением того и другого; такая система есть высшая философия и вместе высшая поэзия... Совершенствование не бесконечно, но бесконечны наслаждения совершенства» [3, с. 207].

Одоевский призывает не идти к бесцельному совершенствованию, но развивать эстетический вкус и чутье к совершенной форме целостности и внутреннему гармоническому началу, заключенному в ней. В этой связи миру не нужна бесконечно тиражируемая Сикстинская мадонна, а ценно наслаждение от ее созерцания, которое глубоко индивидуально именно потому, что связано с уровнем ритмической активности человека и его настроенности на восприятие произведения искусства. Данный опыт каждого индивида соединяет вещественное с духовным. Одоевский приводит в пример литературное творчество: «мысль моя бесконечна, неудержима, в одно мгновение пробегает далекие пространства и века — эта самая мысль сжимается в слово, наконец, в писаную речь, которая есть вещество, занимающее пространство, и может быть истреблена» [3, с. 209].

В данных суждениях о трансформациях отражена особая религиозность автора, которая заключается в работе духа с веществом и рождением формы, исполненной ритмом неуничтожимой жизни. В этом творении формы и жажды явления на свет «прежде не бывшего» и кроется «инстинктуальная сила» человека, к которой он оказывается призван: «Мы всегда облакаем лишь самые отвлеченные понятия в чувственную оболочку для того, чтобы их сделать осязаемыми, — мы духовному придаем вещественный образ; так должно было быть и в древних иносказаниях, сохранившихся у всех народов... Что всего яснее видим мы в сих иносказаниях? Божество, снисходящее в человека, человека, возвышенного до степени божества, — словом, необычайную, непонятную нам силу человека» [3, с. 215]. Сила человека как осознанная необходимость творчества жизни и есть врожденная программа нравственного инстинкта, органическая религиозность, присущая каждому индивиду.

Следуя парадигме романтических идей, Одоевский полагал, что наука его времени должна быть поэтичной, а поэзия — ученой. Поэзия и наука в своем синтезе полярностей связывают звенья социального времени: поэзия обращена

к будущему, но способна осмыслять прошлое, а наука через модель наработанных знаний опрокинута в прошлое, но с целью технологического развития будущего. Любопытно, что уже в XIX в., обращая внимание на противоречивость развития техники и природы, Одоевский понимал, что поэзию и науку неразрывно связывает друг с другом цель духовно-материального преобразования человека, при котором срединным моментом настоящего, по его мнению, остается личное «безотчетное верование»: «Без сего ощущения человек не решился бы сделать ни шага, ни вымолвить слова; оно действует независимо от его воли, иногда в одежде науки или поэзии, но оно одно дает значение и характер науке и поэзии данной эпохи» [3, с. 205]. Из этого интуитивного «безотчетного верования», которое связано с открытостью миру, доверием своему времени и верой в Бога как безусловную истину, следует «необходимость для человека сознавать себя в настоящую минуту, знать свой возраст и положение — и по сему образовать для себя свою науку и свое искусство» [Там же].

Осознание себя определяет зрелость души, ее внутреннюю ритмичность и позволяет человеку быть спонтанным, своевременным, буквально знать свое время и свои смысложизненные задачи в нем. В этом процессе созревания души огромную роль играет поэзия и поэтические опыты человека — читателя или сочинителя. Идеальным носителем нравственного инстинкта в обществе Одоевский считал поэта. В нем он видел фигуру религиозно-мистическую и сакральную. Высшее призвание поэта — становление и самореализация в духе — имеет важнейшее значение для общества. По сути, поэт является камертоном социального времени.

Поэзия открывает врата в царство вечных универсалий Космоса благодаря стихотворному ритму, попадающему в созвучие с нравственным инстинктом. Сообразно этому процессу основание новой науки должно быть поэтическим. Исходя из этого, Одоевский предлагает, не теряя научного технологического пути прагматического мира, наполнить его поэтическим и музыкальным содержанием инстинктивного чутья гармонии и красоты. В этом, по его мнению, заключена задача эстетического образования, которое в «отдаленно-будущей жизни... будет полным соединением знания с любовью» [3, с. 221]. Фундаментом нового типа образования должно стать «религиозное чувство бескорыстной любви» [Там же]. Любовь, как эйдос у Платона, соединяющий идею и форму, пронизывает организм, делает его целостным и устремленным к творческой самореализации. Она производна от высшей органической силы, находящейся в забвении.

В связи с этим Одоевский прозорливо предупреждает: «Одно материальное просвещение, образование одного рассудка... без всякого внимания к инстинктуальному, невольному побуждению сердца, словом, одна наука без чувства религиозной любви может достигнуть высшей степени развития. Но, развившись в одном эгоистическом направлении, беспрестанно удовлетворяя потребностям человека, предупреждая все его физические желания, она растлит его; плоть победит дух (сего-то и боится религия)» [3, с. 225].

Данное провозвестие русского мыслителя XIX в. стало грозной реальностью наших дней. Забвение органических сил в развитии гуманитарных технологий превратило человека в ресурс полезной функции для системы государства, бизнеса, образования. Жизнь на пользу общественных метаструктур возможна лишь через закрытие метафизического горизонта развития личности, замыкания ее в повседневности. Страсти и пустые желания людей тратят «органическое электричество», не переводя его в разряды творческого вдохновения и духовного становления. В связи с этим в обществе нарастает напряжение, и достаточно «короткого замыкания» в социальной среде для вызова взрывной волны разрушительной силы.

Данная разрушительная сила таится в самом человеке, и печальный финал цивилизации, забывшей нравственный инстинкт, Одоевский показывает в своих произведениях «Город без имени» и «Последнее самоубийство». Писатель обращает внимание на грозные силы необходимости, которые действуют в природе и от которых зависим человек. Природа подчинена закону необходимости, она несвободна, но именно воля, производная от необходимости, делает природу всепобеждающей и неуничтожимой. А произвольная воля человека без осознанной свободы выбора уязвима, творчески не продуктивна и деспотична.

Следуя логике суждений Одоевского, органическая сила человека заключена в сопряжении закона необходимости как верности своему природному началу и откровения как безотчетного верования в Бога, высший духовный смысл существования. В этом водоразделе необходимости и откровения нравственного инстинкта укореняется разум и мысль человека, что дает ему возможность утверждения себя в бытии. Такой человек, пропуская через себя опыт своего народа и культуры, становится демиургом собственной судьбы, творчески преобразуя науку и искусство настоящего времени, созидая свободные формы вещей, необходимые для жизни будущих поколений.

Думается, что князь В. Ф. Одоевский сам был таким человеком, и его свобода суждений, творческой фантазии определялась самостоятельностью мышления, независимого от внешних правил, общественного мнения и политики.

Литература

1. *Зеньковский В. В.* История русской философии [Электронный ресурс]. URL: <https://e-libra.su/read/104735-istoriya-russkoy-filosofii-tom-1-chast-ii.html> (дата обращения: 28.01.2020).
2. *Одоевский В. Ф.* Наука инстинкта. Ответ Рожалину [Электронный ресурс]. URL: https://fictionbook.ru/author/vladimir_fedorovich_odoevskiyi/nauka_instinkta_otvet_rojalinu/read_online.htm (дата обращения: 28.01.2020).
3. *Одоевский В. Ф.* Психологические заметки // Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л.: Наука, Академия, 1975. С. 203–230.
4. *Одоевский В. Ф.* Русские ночи [Электронный ресурс]. URL: <https://ruslit-traumlibrary.net/book/odoevskiy-russkienochi/odoevskiy-russkienochi.html> (дата обращения: 28.01.2020).

5. Шеллинг Ф. В. Й. Введение в философию природы как введение в изучение этой науки [Электронный ресурс]. URL: <https://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000164/st000.shtml> (дата обращения: 28.01.2020).

Literatura

1. Zen'kovskij V. V. Istorija russkoj filosofii [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://e-libra.su/read/104735-istoriya-russkoj-filosofii-tom-1-chast-ii.html> (data obrashheniya: 28.01.2020).

2. Odoevskij V. F. Nauka instinkta. Otvet Rozhalinu [E'lektronny'j resurs]. URL: https://fictionbook.ru/author/vladimir_fedorovich_odoevskiyi/nauka_instinkta_otvet_rozhalinu/read_online.htm (data obrashheniya: 28.01.2020).

3. Odoevskij V. F. Psixologicheskie zametki // Odoevskij V. F. Russkie nochi. L.: Nauka, Akademiya, 1975. S. 203–230.

4. Odoevskij V. F. Russkie nochi [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/odoevskiy-russkienochoi/odoevskiy-russkienochoi.html> (data obrashheniya: 28.01.2020).

5. Shelling F. V. J. Vvedenie v filosofiyu prirody` kak vvedenie v izuchenie e`toj nauki [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000164/st000.shtml> (data obrashheniya: 28.01.2020).

I. V. Gorina

Metaphysics of Creative Life in the Philosophy of V. F. Odoevsky

The article analyzes the creativity and philosophical ideas of V. F. Odoevsky with the study of his main concepts — «moral instinct» and «instinctual force». The author believes that the philosophical method of V. F. Odoevsky goes back to the philosophy of Plato, which combines artistic images and intellectual conclusions. This research experience is close to the aesthetics of thinking and intuitive worldview. The position of the included observer allows the intuitionist Odoevsky to foresee the crisis of science and civilization of the New time.

Keywords: moral instinct; reason, creativity; consciousness of antinomy; the revelation.